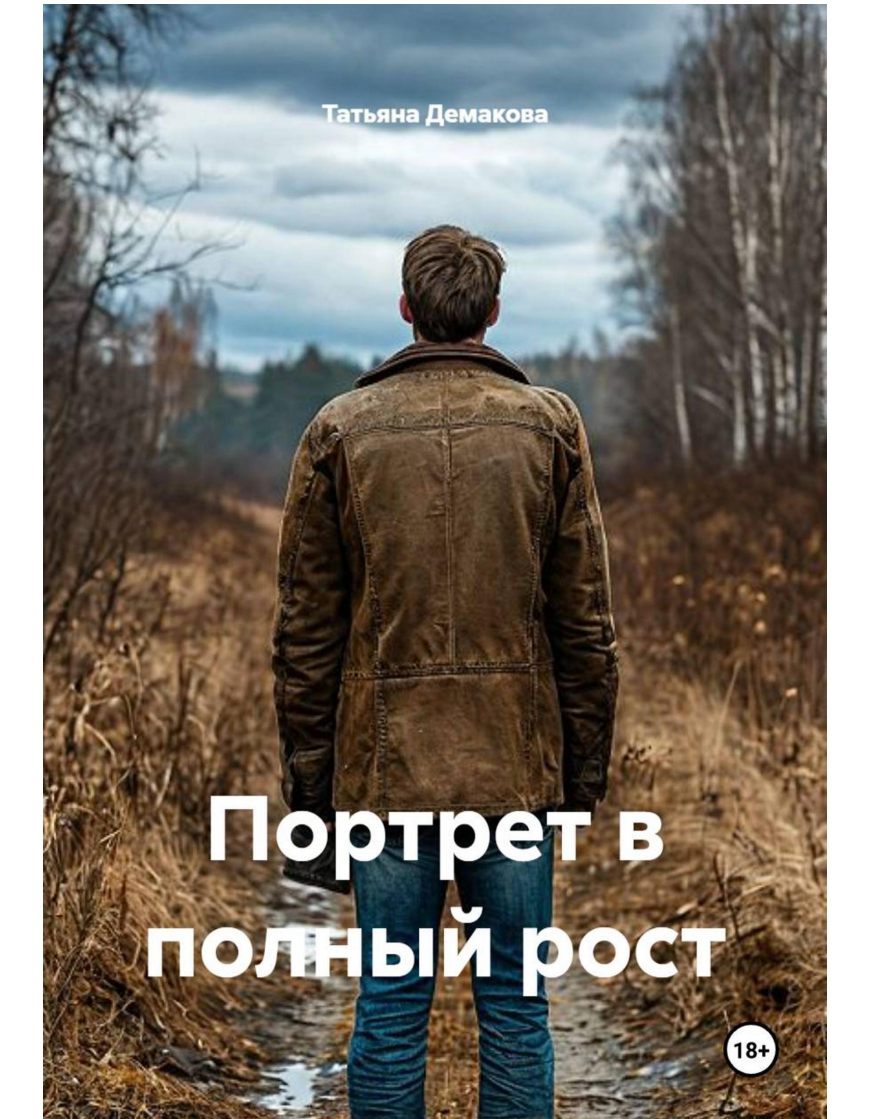

A man with short brown hair, seen from behind, stands on a muddy path in a forest. He is wearing a brown leather jacket and blue jeans. The path is surrounded by dry, brown grass and trees with bare branches. The sky is overcast with grey clouds.

Татьяна Демакова

Портрет в полный рост

18+

Татьяна Демакова

Портрет в полный рост

<https://litres.ru/74256354>

SelfPub; 2026

Аннотация

Любовь, деньги или призвание? Не нужно ничего. Устал. Запахло пивом и сухой землей.

Но случилась встреча. Странная, непонятная. Потом погиб друг юности. Ураган изменений снес прежней жизни обломки.

Татьяна Демакова

Портрет в полный рост

- Не женитесь, юноша, никогда! – много раз повторял розовощекому Миньке учитель, седой, тощий, похожий на хромающего журавля, художник Муравьев. – Семейная жизнь несовместима с искусством, - бубнил он ворчливо, обтирая тряпочкой кисти, расправляя ворсинки длинным ногтем на мизинце. – Женщины все сплошь хищницы и лицемерки, - Муравьев любовно расставлял кисти по стеклянным банкам, словно пушистые необыкновенные цветы.

Обычно Минька не смел возражать мэтру. Во-первых, он благодарен был Муравьеву, достаточно известному человеку в художественных кругах Питера, за внимание, которое выражалось в частных уроках для провинциала, мечтающего о славе и покорении столицы.

А, во-вторых, парнишка умел пропускать мимо ушей все брюзжания, не касающиеся красок, палитры и холста. Разве интересные то темы – погода, женщины, болезни? Зачем только люди тратят время на пустые разговоры?

А в это утро неизвестно отчего вскипел и откликнулся на рассуждения старика о семейном счастье.

- А как же Рембрандт?! Ведь его музой была Саския. Жена! Или Шагала вспомнить. На всех полотнах глаза его спутницы жизни.

- Ну, давай, давай, перечисляй дальше, - отчего-то рассердился старый мастер, холостяк по убеждению и обстоятельствам. — Но только я тебе еще раз повторю: семья и искусство на разных планетах живут.

Минька промолчал, подумав про себя, что ни одна из женщин, даже, если бы очень захотел Муравьев, не согласилась бы жить в развалюхе-мастерской, пропитанной запахами красок, клея, дерева и табака. Семейный запах другой! И в тот момент он был уверен, что в его судьбе все будет иначе.

Господи! Сколько же лет минуло? Мужчина в потертой куцей курточке, в джинсах, вытянутых на коленках, замызганных кроссовках, неспешно брел по мокрым листьям, отхлебывая на ходу пиво из темной бутылки.

Жаль, что бутылка последняя. И нет денег, чтобы еще одну купить. Жаль, что день так быстро угас. Поздно! Домой ехать пора!

Мокрый вечер густел в беспросветную осеннюю ночь. Но даже из этого сырого неуюта домой не тянуло. Как же прав был старик Муравьев насчет женитьбы! Зачем женился? Этот вопрос-занозу Минька вот уже много лет в сердце носит. И ответа не находит. Но только знает, что прислушался бы он тогда к мудрому предостережению мастера, смотришь, все бы в жизни сложилось иначе. И был бы он совсем другим человеком, и полотна у него были бы другими...

Из всех лет семейной жизни особенно помнился первый год. Уж, очень не похожий на прежние. Игра веселая получа-

лась, а не жизнь. Спать ложился, рядом на подушке кудрявая голова. Просыпался – от женского мягкого бока теплом веет. Пока под душем фыркался, завтрак уже готов – кашка, душистый чай. Рубашки все на плечиках в шифоньере, платки носовые и те отутюжены. После беспризорной студенческой полуголодной житухи, словно на райский остров попал.

- Ну, как ты, дорогой? Как настроение? Какие планы на сегодня? – голос заботливый, ласковый, как легкий ветерок, вокруг порхал.

Ощущение материнского солнечного тепла убаюкивало, расслабляло. Не знал тогда еще Минька, что иные женщины большие мастерицы поквохтать, поворковать над новоиспеченным муженьком. Разбалуют, разласкают мужика, а потом вдруг, словно наскучит им в эту игру играть, и все круто меняется. Вспыхивают яростным огнем претензии: неблагодарный, невнимательный, я тебе все отдаю, а ты, ты что? И пошло, и поехало. От ссоры к ссоре. Все к одному сводится: никудышный муж получился.

С Ритой Минька познакомился в компании. А это уже рецидив. Новый год, женский день, чьи-то именины, поводы разные, а компания все та же. Хочешь не хочешь, а отношения продолжаются. Минька тогда в Мухе учился, как называют с давних пор лучшее художественное училище в Питере. Гордился собой парень здорово. Похвалы сыпались со всех сторон, от преподавателей, друзей, критиков. В одном газетном обзоре студенческих работ восторженная журналистка

так и написала о нем: «Прокопенко – самородок. Во всех его работах чувствуется уверенная рука мастера. Мы еще услышим об этом талантливом юноше!»

- Девчонки! Я чертовски талантлив, - так он знакомился с девушками, уже будучи старшекурсником.

Но как ни странно многим девицам не по нраву было подобное признание. Они не могли понять, хохмит или говорит правду этот милый бородач. Да и вообще, что это такое – талант? Сродни болезни или недугу какому? Во всех книжках талантливых людей чудаками выводят, дескать, не могут гении есть нормально, пить, спать, они мучаются, что-то выдумывают, а заодно всех своих близких изводят. Нет уж, для земного счастья дайте-ка нам что-нибудь попроще. Без заскоков и бессонниц.

А Рита при первой встрече серьезно сказала:

- Всю жизнь я мечтала жить рядом с необыкновенным человеком. Как это прекрасно, когда рядом не рядовая серость, а творец! – и неожиданно для Миньки вдруг погладила его шершавые обветренные руки. Как котят, руки погладила, ласково и бережно, при этом прошептала. – Вот они, богом отмеченные!

Сама Рита работала учителем начальных классов. Никогда не скрывала, что детей не любит, и они все ей кажутся на одно лицо. А особенно в их рабоче-крестьянском районе, где и улицы носят соответствующие названия – проспект Большевиков, Солидарности, Товарищеский переулок, кро-

ме, как тупых и бесперспективных отпрысков быть не может.

- Что вы хотите? Интеллигенцию истребили, лучшие умы разлетелись, дети кухарок и кочегаров к власти пришли. Менталитет, как и группа крови, с генами передается, - философствовать, спорить, восклицать Рита могла бесконечно.

А через год после свадьбы Сашка родился! Сказать, что Рита изменилась, это значит, ничего не сказать. Ни одна женщина не подозревает, какая революция может произойти в ее сознании после рождения ребенка. Особенно сына.

Отныне весь мир Риты сосредоточился в одном крохотном существе. Талант, духовность, предназначение, что за чушь и мелочь по сравнению с тем, что у сынули понос или сыпь на спинке. Мужчина? Зачем он ей теперь нужен? У него одно на уме, животные страсти и сексуальная несдержанность! Ей добытчик нужен, снабженец, курьер. В доме стало катастрофически не хватать денег. Не понятно, ведь жили как-то раньше? В театры ходили, новые вещи покупали, а тут вдруг каждую минуту зазвучало:

- Что ты за мужик, если заработать не можешь для жены и ребенка?

Эта фраза долбила темечко, как капли, от мерного звука которых сходят с ума. Михаил, чтобы как-то изменить ситуацию, начал брать халтуры. Малевал вывески для магазинов, оформлял уголки с наглядной агитацией то в школах, то в яслях. Кроме того, жена убедила его устроиться в школу учителем рисования. Он и до сих пор пытается увлечь мало-

летних оболтусов цветом, формой, гармонией пропорций в природе.

- Черт возьми! Час-то который? Завтра в понедельник, первый урок. Вставать рано, - Минька с шумом зашвырнул бутылку в урну, взбил ногой ворох листьев и почти побежал к трамвайной остановке.

- Барышня, - обратился Михаил к женщине, сидящей на железной в дырочку скамейке, - вам не холодно?

Вид у дамы был отрешенный. Она или действительно не расслышала или сделала вид. Но Миньке хотелось поговорить. За целый день шатания по городу сам с собой так набеседовался, что тошно стало. Живого голоса не хватало, глаз заинтересованных.

- Я вот домой возвращаюсь. Внутри такая тоска. У вас бывает такое?

Женщина вздохнула и, как показалось Миньке, посмотрела на него с теплым участием. И было приятно, что не стала ехидничать, дескать, нашел бы повод для знакомства поинтересней, а сразу включилась на его волну.

- Простите, а чем вы в жизни занимаетесь?

- Художник я...

- Да?! Какой же вы счастливый человек!

- Вы серьезно так считаете?

- Серьезней некуда!

Подошел трамвай. В освещенном вагоне Минька осмотрел свою спутницу. Ничего, вполне симпатичная. Глаза тем-

ные, как омут затягивающие. Лицо живое, сто гримас в минуту! Захочешь с такой портрет написать, употеешь, пока уловишь гармонию. Так вечно-меняющаяся физиономия моря пугает новичков с палитрой. Даже в штиль сколько переливов цвета, переполох в линиях, сияющее дрожание воздуха.

- Я давно уже знаю, ничего не бывает в жизни случайного, - женщина уютно расположилась на жестком деревянном сидении.

Минька осторожно примостился рядышком.

- Я сейчас открою вам один секрет, но только обещайте, что не сочтете меня сумасшедшей.

- Обещаю, - кашлянул он в кулак, прикрывая зевок усталости.

Женщина улыбнулась, не кокетливо, не жеманно, а так, как девчонка, нашедшая под новогодней елкой подарок.

- Я уже много лет мечтаю научиться рисовать, - зашептала прямо Миньке в ухо. – Хочу, чтобы кисти, краски меня слушались.

Минька хмыкнул.

- Вы серьезно? – чуть отодвинувшись, он попытался заглянуть ей в глаза. Но не смог определить, шутит она или говорит серьезно.

- Сколько стоит час занятий с вами? – спросила она озабоченно.

Мысли в мужской голове лихорадочно запрыгали. Конеч-

но, он бы хотел наставлять на путь истинный юные дарования. Но это же юные! Но почему-то никто из них не стучался в его дверь. Им подавай известных, маститых, которые за один совет десятки долларов отсчитывают, бесконечно ценя свое время. Вот так ситуация! Да, и не знал он, честно говоря, в какую стоимость определить подобные занятия. Много скажешь – отпугнешь, мало – сам прогадаешь. Да и потом, какая перспектива возиться с этой великовозрастной ученицей? Понятное дело, только материальная.

- Сто рублей устроит? – хрипло выдавил Минька из себя, стесняясь своей меркантильности, облеченной в слова. Но сам себя тут же успокоил, мало ли о чем он думал секунду назад, не по мыслям человека оценивают.

- О, конечно, устроит! – она по-прежнему радовалась, словно подарки под елкой не кончались.

Через остановку незнакомка вышла, оставив облачко терпких духов, теплую бумажку с накарябанными наспех циферками телефонного номера и осколок досады, царапающей сердце. Минька ведь поговорить хотел. Живой души жаждал. А его заставили сделку заключить. Пусть пока только на словах. Но, как все глупо, кто, кого и чему собирается учить? От этих мыслей Минька насквозь расстроился и промерз, да и выпитое пиво коварничало внутри и не давало покоя. Пришлось даже выскочить задолго до своей остановки и потом шлепать по остывшим лужам и скользкой, безжизненной траве.

Но, оказалось, что переволновался учитель рисования совсем напрасно. Вечерняя насмешница на отказалась от своих слов и, как примерная ученица, явилась на занятия.

По средам Михаил Михайлович обязан был находиться в школе до позднего вечера. Эти гулкие часы в опустевшем здании значились в расписании, как дополнительные занятия для отстающих. И хотя Михаил Михайлович считал всех учеников отстающими по своему предмету, являться на ненужные вечерние уроки балбесы не желали. Зачем тратить время на непонятную мазню!

А эта чудаковатая барышня явилась! В портфельчик положила все, что продиктовал ей по телефону учитель, - альбом, карандаши, ластик, коробочку с акварельными красками, прихватила ножницы и кнопки. Мда! Имя у женщины оказалось тоже странным, прямо под стать ей самой – Женевьева.

- Представляете, кто-то зовет меня Женей, а кто-то Евой. Я сама определяю, какую половинку своего имени вручить для знакомства.

- А как, позвольте узнать, мне к вам обращаться?

- Евгения, - протянула сухую горячую ладонь.

- Ну, что же, Евгения, начнем, пожалуй!

Михаил Михайлович прочитал с пафосом короткий вводный курс, в котором упомянул имена великих художников, об их непростой доле, каторжном труде, и о том, что славы при жизни вкусили лишь единицы. Далее перешел непо-

средственно к науке рисования, объяснив, что все сложные формы предметов, окружающих в жизни, раскладываются на простые формы: куб, цилиндр, шар. С них и начали пробу карандаша. Ничего у нее не получалось! Куб заваливался набок. Цилиндр напоминал ведро. А шар выглядел простой окружностью с неровными краями.

- Да, что же это такое! – Евгения сердилась сама на себя. Глаза ее при этом сужались, становились еще темнее.

- Нормально, через тернии к звездам! – утешал педагог. Хотя знал, до звезд ей слишком далеко. Не смех ли в сорок лет узнать, как следует правильно держать карандаш в руке?

Через несколько занятий Михаила стала преследовать одна мысль: маловато он попросил за свои вечерние уроки. Не предполагал, что ученица будет так дотошна и упряма. Но сказать об этом вслух стеснялся. Не умел сызмальства торговаться. А здесь такой деликатный вопрос – себе ведь нужно цену поднять.

Но Женеваева каким-то образом почувствовала его мучения.

- Вы перетруждаетесь со мной, Михаил Михайлович. Я понимаю, что вам достался крепкий орешек! – лукаво улыбнулась и добавила при очередном расчете еще полтинник.

- Умница, прелесть, симпатяга! – возликовал учитель про себя. Вслух же неожиданно произнес. – У вас еще и выставки будут персональные!

- Правда? Вы в это верите? – она опять стала похожа на

ту счастливую девчонку у новогодней елки.

Признаться, занятий по средам Михаил теперь ожидал с удовольствием. Пока Женестьева колдовала у своего мольберта, уже и акварельные натюрморты пробовались на кисть, они беседовали обо всем. Как у людей одного поколения, общих тем было предостаточно. Но, конечно, не только милые беседы согревали душу. Лакомым кусочком был гонорар за занятия. Эти деньжата можно было прокутить с легким сердцем.

Попивая пивко по вечерам, Михаил с удовольствием вспоминал свою ученицу. Что-то все-таки в ней есть! Раз от раза карандаш ее становился увереннее, кисть стремительнее, а глаз зорче. Понятное дело: хорошие методы преподавания не могут быть бесплодными, учитель удовлетворенно хмыкал. Но одна мысль все же не давала покоя, зачем Женестьева нужны эти уроки. Некуда время и деньги девать? Может, это и называется у людей – «с жиру бесится»?

На одном из занятий, когда Михаил, чтобы не терять времени, выполнял заказ директора школы, оформлял стенд для вестибюля, Женестьева вдруг сказала.

- А что, если я закажу вам свой портрет?

Он оторвал взгляд от своих линий, удачно кто-то поймал этот питерский ритм – шпиль Петропавловки, купол Исаакья, разведенный Дворцовый мост, - рука просто танцует, изображая городские силуэты. – Что вы говорите, портрет?

Она неожиданно засмушалась.

- Ой, вы так на меня посмотрели, что я могу и передумать.

- Что вы, что вы! Вы очень интересная натура. Но, понимаете, хороший портрет требует долгой работы. Сеансы по несколько часов это утомительно.

Про себя он стал высчитывать, как оценить подобную работу.

- Не волнуйтесь, - она опять, словно прочитала его мысли, - о цене мы договоримся. Я вот представляю, пройдет много-много лет, и вдруг далекая незнакомка остановится у моего портрета. Мы будем смотреть друг на друга, и наши души поведают свои тайны.

Мда... Ну не странная ли мечта? Это Михаил про себя хмыкнул. Вслух же произнес:

- Нужно решить, в каком интерьере вас писать. В каком ракурсе? Размер определить, цветовую гамму.

- Я бы хотела в полный рост. В красивом длинном платье.

- Зачем же в длинном? У вас хорошей формы ноги.

Она засмеялась.

- Когда же вы успели заметить?

- Я же художник! – высокопарно произнес Михаил, радуясь самому себе. Такому наблюдательному и раскованному.

Занятия подошли к концу, и учитель предложил:

- А что, если я вас провожу сегодня? Зайдем к вам, там и выберем в каком интерьере писать ваш портрет.

- Можно, конечно, - медленно откликнулась Женеваева. – Боюсь, что вы испугаетесь. У меня нежилой дом.

- Как так? Но вы-то живете!

- Живу, - грустно согласилась Женева и вздохнула.

Интересненько! Три месяца они встречаются. Он ей так много рассказал про себя. Про то, как пацаном обожал рыбалку, про свою первую любовь, курносенькую Анну Григорьевну, учительницу английского языка. Про тягучий день сегодняшний, про то, что сын не признает живописи «фигня все это!», зато дни и ночи готов играть на компьютере. Даже про жену рассказал, что после родов стала она постоянной клиенткой гинекологической клиники, отчего приходится Миньке зачастую в доме быть и за повара, и за уборщика. Но зато уж, если возьмется, он борщ варить, настоящий, со шкварками и пампушками, запах на три этажа растекается. Да и драники он классные сотворяет, по всем бульбашским законам. Хорошо-то, хорошо! Да, только вот времени жалко. Не думал, что семейная жизнь – ловушка!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.